

Космач В.А.
«МИР» АНДРЕ ТАРДЬЁ

В 1943 г., в разгар Великой Отечественной войны, в Москве (перевод с французского сделал и вступительную статью написал известный историк Б.Е. Штейн) вышла книга под кратким названием «Мир» политического деятеля Франции первой половины XX в., одного из творцов большинства статей Версальского договора 1919 г. Андре Тардьё [1]. Она посвящена знаменитой Парижской мирной конференции и Версальскому мирному договору, подведшим финальную черту под Первой мировой войной 1914–1918 гг.

Первую главу своей книги «Мир» А. Тардьё назвал «Агрессия» и посвятил ее анализу предвоенной обстановки в Европе накануне Первой мировой войны, начиная с франко-прусской войны 1871 г. При этом Франция изображается как жертва Германии. Тардьё подчеркивает, что «Германия хотела войны» [1, с. 11] и что «в Германии идея войны неразделима с идеей родины» [1 с. 12]. Он показывает в процентах увеличение военных расходов шести великих европейских держав с 1883 по 1913 г., где у Германии первое место [1, с. 16]. Тардьё подчеркивал, что в 1914 г. все немецкие политические партии, в том числе оппозиция (СДПГ), были готовы в едином порыве поддержать свое правительство в войне, в том числе разгром Франции за три недели [1, с. 21]. Первая глава начинается утверждением А. Тардьё о том, что «история не знает более грубого нарушения международного права, чем нападение Германии на Францию 2 августа 1914 г. Не было и более преднамеренного» [1, с. 1].

2 главу своей книги А. Тардьё назвал «Война и перемирие» и начал словами о том, что «Франция играла в войне особую роль» [1, с. 27]. Это утверждение Тардьё обосновывает многочисленными факторами и цифрами. Высоко оценивает он и роль союзников по Антанте, но есть неточности. Например, названо число потерь в живой силе России в Первой мировой войне – 1700 тыс. солдат и офицеров [1, с. 35, 42]. На самом деле Россия потеряла в той Великой войне как минимум 2500 тыс. погибшими. Но для Тардьё, Франция – превыше всего! Он снова отмечает, что «подвиг Франции на поле брани останется непревзойденным в истории» [1, с. 31], «она была щитом цивилизованного мира и гарантией победы» [1, с. 41]. Много внимания в этой главе А. Тардьё уделяет самой разработке всего механизма условий перемирия с Германией на условиях союзников и «14 пунктов» Вильсона, что приведет побежденную Германию в Компьен.

Главу 3, «Конференция» А. Тардьё посвятил началу работы Версальской конференции, ее повестке и предстоящим решениям, в том числе по «русскому вопросу», а также принципам работы Совета четырех. В самом начале главы он отметил: «Работа, которую предстояло проделать участникам конференции, была огромна и не имела прецедентов, равно как огромна была и сама война, завершением которой должен был явиться мир. Огромна она была прежде всего по своим масштабам: впервые в войне принимали участие целые народы; 70 миллионов мобилизованных, 30 миллионов раненых, 8 миллионов убитых; ничего подобного не знала история: одних убитых было больше, чем солдат во всех наполеоновских армиях. Огромна она была так же и по сложности своих составных элементов; поскольку война велась всей нацией, она втянула в свою орбиту все национальные силы: земледельческие, промышленные, коммерческие, финансовые, и мирный договор должен был учесть интересы всех этих сил» [1, с. 69].

Главным лейтмотивом 4 главы, «Разоружение», стали слова А. Тардьё о том, что «непривычным делом было разрушить военную мощь самой воинственной в мире нации, но это дело было предпринято и выполнено с мужеством, достойным великих солдат нашей родины. Удар был нанесен по голове упразднением генерального штаба армии, военных школ, мобилизационных работ. Удар был нанесен основе военной мощи упразднением конскрипции и сокращением численности войск до 100. тысяч человек при 12-летнем сроке службы. Что касается вооружения и военного снаряжения, запрещены были вся тяжелая артиллерия, танки, авиация, газы, право что-либо из этого хранить и право производить что-либо заново. Германии разрешено было оставить себе 288 полевых орудий, сконструированных на заводах, выбранных союзниками, контролируемых ими же, число которых они могли в любой момент ограничить. Можно ли было идти дальше, не давая оснований к возражению, которое часто пускали в ход наши союзники: «В таком случае придется защищать и гарантировать Германию?» [1, с. 125].

Главу 5 А. Тардьё назвал «Левый берег Рейна». Тардьё пишет: «Самые ожесточенные дебаты» на конференции вызвал вопрос об оккупации левого берега Рейна. Ни один вопрос так ярко и убедительно не выявил различия национальных психологий – этого препятствия, стоящего, на пути ко взаимному пониманию честных правительств и народов, связанных, объединенных победой и пролитой кровью. Для нас, французов, оккупация левого берега Рейна, и предмостных укреплений была не только необходимой гарантией осуществления договора, но и уверенностью в невозможности повторения грабительского нападения, дважды имевшего место на протяжении 50 лет. Для остальных, хотя и связанных душой и телом с грозившими нам вчера и предстоящими. завтра

опасностями, эта оккупация, каковы бы ни были ее формы и длительность, в связи с различным подходом к толкованию исторических событий представлялась неоправданной, бесполезной и рискованной [1, с. 129].

В 6 главе, «Союзы», А. Тардьё подробно анализирует союзнические договоренности и отношения Франции с США, Великобританией и Бельгией. Седьмая глава носит название «Эльзас и Лотарингия» и посвящена весьма болезненной для Франции теме. Тардьё пишет: «В тот день, когда Эльзас и Лотарингия с ликованием встретили наши победоносные войска, весь мир понял, чем были эти две провинции для Франции. Верность их нашей стране относится к далекому прошлому...

С 1871 по 1914 г. разыгрывалась драма двух миллионов человек, отстаивавших свой национальный дух от империи грубого насилия. Как в Эльзас-Лотарингии, так и во Франции и за границей 360 тысяч эльзасцев и лотарингцев заявляли о том, что при праве оптации они отдадут предпочтение Франции. ... Но с безжалостной суровостью на обе провинции обрушилась германизация. Как административными мерами, так и обучением изгонялось все, что напоминало о прошлом» [1, с. 198–199].

В главе 8 «Саар» А. Тардьё заявил, что «проблема Саарского бассейна принадлежит к числу таких проблем, которые были, по крайней мере вначале, хуже всего поняты американскими делегатами на мирной конференции и Америкой вообще. Это – единственная проблема, в связи с которой возникли и десять дней продолжались распри между представителями Франции и Соединенных штатов, в иные часы, перераставшие в подлинный конфликт. Именно она дала повод к самым оскорбительным обвинениям против нас. Тем более не следует оставлять что-либо в тени. Я день за днем опишу происходившие переговоры. Я оглашу документы, еще нигде не опубликованные, в которых Франции нечего скрывать, не о чем жалеть, нечего изменять.

Проблема двойная и потому трудная; с одной стороны, экономическая из-за угольных копей, обладание которыми и юридически и фактически необходимо было нации, систематически разоряемой Германией, но также моральная и историческая, так как население большей части этой территории по своему происхождению, по своим традициям и стремлениям было французским» [1, с. 212].

Глава 9, «Требования долгов союзниками», отражает прения и противоречия между государствами Антанты, и прежде всего, между США, Великобританией и Францией, по вопросу репараций и контрибуций с побежденной Германией. В центре внимания союзников стояло их требование к Германии обеспечить выполнение двух долгов. «Первый долг состоял в том, чтобы обеспечить безопасность, второй – в том, чтобы организовать репарации. Оба эти долга были общими для всех, но для Франции их насущный характер подчеркивался трагическим опытом.

Здесь еще раз французские интересы совпадали с общими интересами и справедливостью. За нарушения, причиненные войной, Германия несет двойную ответственность: прежде всего потому, что она спровоцировала их своей преднамеренной агрессией, затем потому, что она усугубила их своей методической, дикой жестокостью. Война – это зверство. Развязывая ее, Германия знала, что делает, но тем методом, каким она эту войну вела, она еще усилила ее зловещий характер. Война жестока для гражданского населения – вот какой была построена на расчете быстрой победы доктрина германского генерального штаба, часто проповедуемая «ex cathedra» (публично) еще до того, как Лувен и многие другие города познакомились с отвратительным применением ее на практике. Но война жестока также и потому, что она преследует цель возможно лучше использовать наступающее вслед за нею мирное время и при помощи меча добывать себе золото, – вот какой была доктрина германских промышленников, видевших в противнике на полях сражения возможного конкурента завтрашнего дня. Большая часть разрушений производилась систематически и не во время боев, а с целью надолго разорить оккупированные местности и подготовить почву для выгодного сбыта германской продукции в будущем. Такая концепция войны, подчеркивая ответственность побежденного теперь агрессора, вдвойне оправдывала самое полное возмещение понесенных убытков [1, с. 236–237]. К побежденной Германии было проявлено милосердие, так как «союзники, которым война стоила более 1 тысячи миллиардов, по смыслу договора требуют от Германии около 350 миллиардов» [1, с. 269].

Главу 9 логично продолжила глава 10 – «Германские платежи». С одной стороны, она рассматривала материальные, людские и финансовые возможности Германии, с другой – А. Тардьё детально проанализировал гарантии и контроль над взиманием репараций, а также финансовую солидарность и приоритеты союзников в этом деле. А. Тардьё называет людские потери Германии в войне – 1800 тыс. чел. убитыми и 4 млн ранеными [1 с. 273]. Особенно острые противоречия по вопросу германских платежей возникли между Парижем и Лондоном.

Главу 11. А. Тардьё назвал «Германское единство», отметив, что «Бисмарк создал единство Германии, его гений определил масштабы этого единства, но Бисмарк создавал его не один, и нельзя объяснять германское единство только его гением». Еще в 1820–1830 гг. Геррес, а не Бисмарк (он лишь повторит это) заявил, что, если понадобится, то германское единство «надо создавать железом и кровью» [1, с. 310]. А. Тардьё подчеркивает, что «ни правительства, ни парламенты, ни даже

пресса не требовали в течение войны уничтожения германского единства» [1, с. 314], в Версале «все союзники говорят то же самое» [1, с. 315].

Большая 12-я глава («Результаты мирного договора») посвящена у А. Тардьё политическим и экономическим итогам Версаля и критике Версальского мирного договора. В начале главы А. Тардьё пишет: «Когда 28 июня 1919 г. в Зеркальном зале Версальского дворца представители Германии подписали мирный договор, вся Франция невольно вспомнила день 8 января 1871 г.: контраст разительный, еще более глубокий, чем могли думать современники. Версальский договор вычеркивал не только Франкфуртский договор, но и полтора столетия превратностей и неудач, – полтора столетия, за время которых наша судьба в силу своей парадоксальности сочетала необычайный размах французской мысли со все усиливающимся упадком французской политики: упадком в XVIII веке, когда кусок за куском монархия бестолково растеряла нашу колониальную империю; упадком на пороге XIX века, когда договоры 1815 г., удалив нас с Рейна, водворили там Пруссию; упадком в конце этого века, когда из-за ошибок Второй империи, орудия бисмарковского господства, Бисмарку были отданы Эльзас и Лотарингия. А затем наступили 43 года мира, – мира,» описанного мною в начале этой книги, –мира навязанного, мира тягостного, мира угрожающего, отмеченного в 1911 г. – уступкой части Конго, мира, закончившегося агрессией 1914 г. и шесть недель спустя вторжением улан в Люзарх. Подписав в 1919 г. Версальский договор, Франция искупила 150 лет разочарований и неуверенности в собственной безопасности; это было чудесное возрождение, блестящая удача которого диктовала участникам переговоров закон поведения. Этот закон сводился к двум словам: безопасность и солидарность, причем последняя была условием и гарантией первой. Такова была с января по июнь 1919 г. мирная политика Клемансо. Всякая иная не имела бы завтрашнего дня. Для Франции, восстановленной в ее единстве, тесная дружба с Бельгией, Великобританией и Соединенными штатами в час подписания договора обеспечила такой политике характер постоянства.

В этой же главе А. Тардьё показал основные противоречия между Францией и союзниками в Версале и по пунктам отметил то, чего удалось добиться Парижу по «германскому вопросу» в ходе мирной конференции.

Главу 13-ю, заключительную, А. Тардьё назвал «На завтра после мира», в которой с сожалением отметил многочисленные случаи искажений и ревизий Версальского мирного договора. Он обращается со страстным призывом к руководителям английской политики, заявляя им: «Франция нуждается в Англии, но Англия нуждается во Франции. Она нуждается в ней ради своей безопасности. Если когда-нибудь агрессия восстановившей свою мощь Германии создаст для Франции и Бельгии новую угрозу на Востоке, в этот день одновременно и та тех же основаниях угроза возникнет и для Великобритании. Без Бельгии и без Франции у Великобритании нет на континенте поля сражения, где она могла бы развернуть свои силы и защищать свои берега. Когда дорога на Париж открыта для нападения, в опасности Кале и Дувр» [1, с. 398–399].

Этим строкам нельзя отказать в политической прозорливости.

1. Тардьё, А. Мир / А. Тардьё ; под ред. и вступ. статья Б. Е. Штейна. – М. : ОГИЗ. Госполитиздат, 1943. – 432 с.

Гордиенко А.Б.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН ЭРИКА БРЕДТА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Интерпретация революционных событий Февраля и Октября 1917 г., протекавших на фоне масштабного социально-политического и экономического кризиса, приведшего к Гражданской войне, является дискуссионным вопросом в современной российской историографии. Многие свидетельства революционной эпохи противоречивы и субъективны. В этой связи небезынтересно проанализировать менее ангажированные группы исторических источников: официальные документы, воспоминания современников, не связанных ни с одной из политических сил, участвовавших в событиях Революции и Гражданской войны в России.

Важным источником в изучении этих событий на территории Ставропольской губернии являются произведения немецкого пленного Первой мировой войны Эрика Бредта, пребывавшего в России в 1915–1919 гг.

Эрик Бредт родился в Лейпциге в 1890 г., окончил школу и театральное училище, работал в театре. В 1914 г. его призвали в армию. В феврале 1915 г. Эрик попал в плен русской армии и оказался сначала в лагере для военнопленных в Поволжье, а позже – в Ставропольской губернии. Он жил в селе Среднегорлыкском, трудился в нескольких крестьянских семьях, затем скитался по Ставрополю и Кубани.

Лишь зимой 1919 г. Э. Бредт вернулся в Лейпциг. Воспоминания о России он изложил в романе «Пахарь поневоле», две части которого были опубликованы в 1926–1927 гг. [9]. В 1932 г. Бредт переехал в Гамбург, писал сценарии и пьесы, озвучивал аудиоспектакли, играл в телефильмах [6, с. 3–4]. Он часто